

Бѣдовая доля

<Часть первая.>

1. Верейскій тигрь.

Я — тигрь древняго, засыпаннаго пепломъ каменнаго города, рождень по указанію Бога, духъ мой обреченъ на терпѣніе по пророчеству царя Давида. Азъ есмь до вѣка, во вѣки и вѣкъ вѣка.

Лѣнливо и удобно я лежалъ въ Лѣтнемъ саду на дорожкѣ около дѣдушки Крылова и глазѣлъ на публику. Гуляющихъ попадалось мало, смѣха не было, только кое-гдѣ хихикали гадко. Большинство же серьезно проходило по своимъ дѣламъ, и дѣло, которое несъ каждый, выставлялось такимъ важнымъ, что отъ совершенія его, казалось, зависѣло чуть ли не спасеніе всего міра. Видя лишь однѣ спины прохожихъ, я только по ихъ словамъ и отзывамаъ, долетавшимъ до меня, могъ заключить о ихъ лицахъ и какіе у нихъ глаза.

Возмущеніе подняло меня на мои крѣпкія ноги, въ ярости вскочилъ я на Домикъ Петра Великаго и, вонзивъ когти въ дерево, принялся совѣстить и доказывать этимъ обманщикамъ, что они обманщики, что не совершить имъ и самаго пустяшнаго дѣла, такъ какъ зрѣніе ихъ мутно и коротко, души ихъ дряблы, а лица перекошены на сторону.

Обличая спасителей, я замололъ такую чепуху, что и у меня самого помутнѣло въ глазахъ, душа обмочалилась, а лицо перекошило. И вдругъ какимъ-то чудомъ я превратился въ голосистую птицу.

Я такъ громко пѣлъ, что, казалось, не было въ мірѣ уголка, гдѣ бы не раздавалась моя пѣсня. И оттого, что всѣ меня слушали, и оттого, что какъ разъ на томъ мѣстѣ на солнышкѣ, гдѣ я любилъ пѣть, была ужъ искусно подвѣшена клѣтка, и я зналъ, что меня поймаютъ и посадятъ въ эту клѣтку, стало мнѣ неловко и опасно жить птицей.

И вотъ, чтобы какъ-нибудь спастись и остаться на свободѣ, я, опустивъ крылья, вороватой лисой прокрался на Верейскую въ самый грязный паскудный кабакъ Веселые острова, и кое-какъ протолкавшись сквозь гущу захмелѣвшихъ и вдрызгъ пьяныхъ гостей, присѣлъ къ первому попавшемуся столику, а для отвода глазъ спросилъ себѣ бутылку самаго пьянаго забористаго вина.

Несмотря на то, что народу было тьма и негдѣ было повернуться, все-таки какая-то Саша Тимофеева присосѣдилась ко мнѣ и, охвативъ рукой мою шею, лѣзла прямо къ лицу.

— Милый другъ, увези меня куда-нибудь! — приставала она, похрустывая своимъ желтымъ кожанымъ ремнемъ.

И по мѣрѣ того, какъ лицо ея темнаго мата съ огромными безъ зрачковъ сѣрыми глазами приближалось къ моему лицу, тонкія, какъ паутина, сѣти откуда-то съ потоло-

ка медленно, но вѣрно опускались надо мной. Я чувствовалъ, птичьи сѣти шелковыя опускались надо мной. А когда глаза моей возлюбленной такъ очутились близко, что слились въ одинъ сѣрый глазъ, сѣтъ коснулась моего темени, и въ тотъ же мигъ оточенный тонкій крючокъ вошелъ мнѣ въ живое сердце и, зацѣпивъ за живое, чуть дернулъ — и ужъ грубо и слѣпо поволокъ меня черезъ Сашу Тимофееву, черезъ столъ вверхъ по потолку.

2. Обезьяны.

Насъ стянули со всѣхъ концовъ свѣта: изъ Австраліи, изъ Африки и Южной Америки, и я, предводитель шимпанзэ, опоясанный тканымъ гагажьяго пуха поясомъ ломалъ себѣ голову и рвалъ на себѣ волосы, не зная, какъ вырваться изъ цѣпей, которыми мы были скованы по рукамъ и ногамъ, и улепетнуть на родину. Но было ужъ поздно. Прогнавъ по цѣлинѣ черезъ поля, насъ выстроили, какъ солдатъ, на Марсовомъ полѣ, и герольды въ золотѣ со страусовыми перьями на шляпахъ, разбѣзжая по рядамъ, читали намъ приговоръ.

Насъ обезьянь обвиняли въ непроходимомъ распутствѣ, злости, бездѣльничаньѣ, пьянствѣ и упорно-злонамѣренной вороватости и, признавая необыкновенно блестящія природныя способности къ развитію и усовершенствованію, приговаривали примѣнить къ намъ секретныя средства профессора Болонскаго университета рыцаря Альтенара — потомка викинговъ Гренландіи, Исландіи и Сѣвернаго Ледовитаго Океана.

Со слѣпой материнской любовью и негодованіемъ я слѣдилъ, какъ по совершеніи всѣхъ шутовскихъ церемоній, началась расправа. Эти богобоязненные умники потѣхи ради прокалывали насъ сапожнымъ шиломъ и потомъ били желѣзными молотками, а другимъ намазывали шерсть мягкимъ и горячимъ варомъ и, закатавъ въ массѣ вара веревку и прикрѣпивъ ее къ тѣлу, продергивали въ хомутъ свободной и сильной лошади и волокли по землѣ подъ гикъ и гамъ, покуда не издыхала жертва, третьимъ же тщательно закалывали губы мѣдными металлическими булавками. И много еще было сдѣлано, какъ обузданіе, потѣхи ради.

Когда же Марсово поле насытилось визгомъ и стономъ, а земля взбухла отъ пролитой обезьяньей крови, а крещеный и некрещеный русскій народъ надорвалъ себѣ всѣ животы отъ хохота, прискакалъ на мѣдномъ конѣ, какъ вѣтеръ, всадникъ, весь закованный въ зеленую мѣдь. Высоко взвившійся арканъ стянулъ мнѣ горло, и я упалъ на колѣни. И въ замеревшей тишинѣ, дерзко глядя на страшнаго всадника передъ лицомъ ненужной, ненавистной, непрошенной смерти, я, предводитель шимпанзэ Австраліи, Африки и Южной Америки, прокричалъ гордому всаднику и ненавистной мнѣ смерти трижды пѣтухомъ.

3. Клей — синдетиконъ.

Убирали комнаты — это самое несносное время передъ праздниками, развѣ сравнимое только съ переѣздомъ на другую квартиру — убирали, старались. Съ потолка щетками поснимали закопченную пыль и паутину, вымыли окна и подоконники и принялись за полы. А грязи — не отмыть, не отскоблить. И отъ босыхъ ногъ слѣды. Уборкой заправлялъ какой-то мнѣ неизвѣстный человѣкъ, шершавый съ собачьей мордой. Этотъ самый человѣкъ съ собачьей мордой, видя, что толку нѣтъ, забралъ свои пыльные щетки и скребки, плюнулъ и скрылся.

Оставшись одинъ, я тихонько заглянулъ подъ кровать.

«Эге, — подумалъ я, — да вотъ гдѣ она сидитъ, эта грязная жила!» — и такъ мнѣ стало досадно и такъ не хотѣлось гнуть спину — просить извести эту грязь подъ кроватью и самому пачкаться, — снялъ я съ себя пиджакъ и все до рубахи, взялъ синтетикона, обмазался имъ, какъ слѣдуетъ, легъ на полъ и давай кататься.

4. Черти.

Я лежалъ, прикованный къ желѣзной койкѣ, и не въ Обуховкѣ лежалъ я, а въ могилѣ, и не изъ Спасской части стащили меня сюда замертво, а прямо отъ Покрова послѣ отпѣванія.

Сердце рвется на части! Да за что же эти гробовщики такъ злобно похоронили меня, — вѣдь я не сдѣлалъ имъ зла, ей Богу, я и мухи не обижу, я ружья не умѣю въ рукахъ держать. Или вся вина моя въ томъ, что Емеля подарилъ мнѣ свои семь драгоценныхъ дней молотъ языкомъ, сколько влѣзетъ?

Когда я такъ терзался и мучился въ моемъ печальномъ состояніи, три чорта посѣтили меня. Двое изъ нихъ были мнѣ совершенно неизвѣстны: тихенькіе, слабенькіе, такъ въ чемъ душа держится. А третьяго, хотя онъ и старался въ моихъ глазахъ передѣлаться, я сейчасъ же узналъ по голосу: это почтовый чиновникъ десятаго отдѣленія Киселевъ.

Всѣ трое чертей притворились смиренными, ласковыми, безобидными и тонкимъ ребячьимъ голоскомъ что-то такое наивное и простенькое лепетали надо мной. Но я какимъ-то наитіемъ понялъ, что таилось у нихъ на умѣ: они облюбовали и теперь опредѣленно подбирались къ моимъ конечностямъ и позвоночному хребту.

«Ну нѣтъ ужъ, подаркомъ вамъ не достанусь, — рѣшилъ я самъ съ собою, — накормлю васъ овсянкой!» — и, напрягши всѣ мои силы, я оторвался отъ желѣзной койки и, врасплохъ бросившись на чертей, сталъ съ ними расправляться по-свойски.

Отъ одного чорта остался мнѣ на память клокъ волосъ, другому чорту я прокусилъ палець, а когда я торжествовалъ, Киселевъ схватилъ какой-то дряни въ горсть, и я не успѣлъ оглянуться, какъ онъ уже замазалъ мнѣ ротъ. И я сталъ задыхаться.

5. Иванъ Грозный.

И ровно и вперегонку, уступая и толкаясь, мы бѣжимъ по Моросейкѣ на Красную площадь. Всѣ мы спѣшимъ къ Лобному мѣсту послушать Объявленіе, о которомъ возвѣщалось съ перекрестковъ и въ тупикахъ.

На Спасской башнѣ ужъ пропѣли часы полдень. Народъ все прибывалъ. Но Лобное мѣсто оставалось свободнымъ, и только какіе-то мальчишки по временамъ завладѣвали имъ и тотчасъ же къ общему удовольствію и развлеченію летѣли вверхъ тармашками.

Съ помощью знакомаго полотера съ Зацѣпы я взобрался на кровлю Василия Блаженнаго, и отъ меня прекрасно видно было даже всякую мелочь.

Наконецъ, толпа, крякнувъ, осадила, головы обнажились, а на Лобномъ мѣстѣ показался маленькій человѣчекъ: онъ былъ въ высокихъ воротничкахъ и смокингѣ, а голова его была повязана платкомъ по-бабьи.

— Юродивый, — прокатилось по площади изъ устъ въ уста, — это юродивый самъ.

На Спасской башнѣ снова пропѣли часы и пѣли долго: тринадцать.

— Садитесь, господа, — сказалъ Юродивый, кланяясь на всѣ четыре стороны: Кремлю, Замоскворѣчью, Историческому музею и Рядамъ.

Такъ какъ я сидѣлъ, то, не смѣя ослушаться, все-таки подобрался, будто усаживаясь, всѣ же прочіе, стоявшіе внизу, хотя и было не совсѣмъ удобно, безпрекословно присѣли.

— Милостивыя государыни и милостивые государи, — запѣлъ Юродивый знаменнымъ распѣвомъ, — всѣ мы учились заповѣдямъ, и всякій знаетъ, что ихъ десять штукъ. Не такъ ли, десять штукъ?

И въ отвѣтъ прогудѣла толпа, какъ гудятъ Воистину воскресъ на Пасхѣ въ церк-вахъ.

— Ну, вотъ, господа, — продолжалъ Юродивый тѣмъ же распѣвомъ, — а на са-момъ дѣлѣ ихъ не десять, а четырнадцать. Отцы наши утаили отъ насъ, но и они муд-рые, да и всѣ мы искони блюли ихъ всѣ четырнадцать.

— Блюли, — проблеяла толпа.

— А! вотъ, видите! — пропѣлъ Юродивый, — а теперь по исчисленіямъ Кутель-гейма фонъ Густава пришло время провозгласить ихъ полностью и начать исполнять не тайно, а въ открытую. Внимайте же и пишите въ сердцѣ, вотъ новыя заповѣди:

11-я. — Не зѣвай.

12-я. — Ъшь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами.

13-я. — Прелюбы сотвори.

14-я. — Укради.

Юродивый залился такимъ веселымъ смѣхомъ и такъ затрясъ головой, что пла-токъ съѣхалъ ему на шею, и передъ огѣшеннымъ, сбитымъ съ толку народомъ вдругъ метнулись глаза, и грозное стало лицо царя Ивана.

На Спасской башнѣ пропѣли часы и пѣли долго: четырнадцать.

6. Вѣдьма.

Я попалъ въ пустой домъ. Обстановка всякая — столы, стулья, все есть, но ка-кой-то онъ весь нежилой. Я не одинъ, со мною студентъ П. въ черной студенческой тужуркѣ, самъ съ черной бородой клиномъ, въ темныхъ очкахъ.

Одна за другой фигуры сначала неясно, потомъ отчетливѣе начинаютъ появлять-ся вокругъ меня. Это какіе-то маленькіе тучные карапузы. И мнѣ становится страшно отъ ихъ присутствія въ этомъ нежиломъ домѣ.

— Смотрите въ окно, — говоритъ мнѣ студентъ, догадавшійся должно быть, что мнѣ страшно въ этомъ нежиломъ домѣ.

Я подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть. Окно выходило въ садъ. Но какъ-то такъ случилось, что я помимо воли бросилъ смотрѣть и перевелъ глаза въ комнату. Изъ движущихся фигуръ выдѣлилась теперь высокая женщина съ ребенкомъ на рукахъ. Я подумалъ:

«Если ее перекрестить, она исчезнетъ».

И я перекрестилъ ее истово большимъ крестомъ разъ и другой, но высокая жен-щина, глядя на меня съ недоумѣніемъ и какъ бы показывая мнѣ, что я ошибся, сама перекрестилась. Студентъ исчезъ. Я было къ двери. Остановился. Не могу. Не увѣренъ, не знаю: а что, если и въ другихъ комнатахъ то же? И вдругъ я увидѣлъ другую женщи-ну. Она лежала въ углу на кушеткѣ. Она была маленькаго роста, плотная, густо-румя-ная, носъ плоскій, а ротъ съ безобразно выступающей нижней челюстью.

— Не этимъ надо, — сказала она, приподнявшись съ кушетки, и махнула крас-нымъ одѣяломъ.

И тотчасъ лицо высокой женщины съ ребенкомъ стало измѣняться, принимая самыя отвратительныя выраженія: носъ удлинился — совсѣмъ длинный, за губы заходить, а глаза, выскочивъ изъ орбитъ, повисли, какъ два мѣшечка.

А та съ кушетки румяная плосконогая, съ безобразно-выступающей нижней челюстью снова какъ махнетъ краснымъ одѣяломъ, и ребенокъ на рукахъ женщины сталъ таять, туловище становилось все меньше и меньше, не стало у него ни рукъ, ни ногъ, и осталась одна голова.

7. Пиленный сахаръ.

Скатился я съ крутого обрыва въ садъ. Да это загородный увеселительный садъ Хуторокъ. Вонъ и касса. Подошелъ я къ кассѣ билетъ взять. Заглянулъ въ окошечко, а кассиръ-то знакомый — Бѣляковъ. Надо сказать, что съ этимъ Бѣляковымъ вышла у меня одна нехорошая исторія и такъ все запуталось: сталъ я ему бѣльмомъ въ глазу.

Бѣляковъ пилъ чай въ прикуску, а другой кассиръ искалъ ему въ головѣ.

«Ну, — думаю, — пропалъ я, безъ побоя не отпустить, убьютъ онъ меня».

— Моръ на воши! — говорю имъ и вижу: Бѣляковъ побагровѣлъ весь отъ злости, зажалъ въ кулакъ кусокъ пиленого сахара, всталъ и пошелъ къ выходу.

— Убью! — отчеканилось во мнѣ.

И я присѣлъ на корточки, сталъ такимъ маленькимъ и такимъ тоненькимъ да въ щель подъ дверь и затиснулся, затаилъ дыханіе, слушаю.

Бѣляковъ походилъ около кассы и презлой вернулся.

— Не нашелъ, а попадись только, я ему! — сказалъ Бѣляковъ другому кассиру, и они стали искать.

А меня точно кто-то все подстегиваетъ: хочу не дышать и не могу удержаться, и, какъ на грѣхъ, языкъ зачесался, я съ дуру-то полѣзь почесать и чихнулъ.

Бѣляковъ тутъ-какъ-тутъ.

— А! вотъ онъ! — да какъ хватить: кусокъ сахара прямо такъ въ високъ мнѣ и вткнулся.

8. Dame de Noël.

Очень узкая, очень высокая комната безъ оконъ. Одинъ маленькій фонарикъ освѣщаетъ комнату. Посреди кровать подъ пологомъ.

Я осторожно подошелъ къ кровати, приподнялъ одѣяло и отшатнулся: на простынѣ сидѣло нѣсколько штукъ отвратительныхъ насѣкомыхъ — это какія-то разбухшія миндальныя шкурки съ черными пятнышками на спинѣ.

«Вотъ до чего довели!» — и, негодуя, я отошелъ къ двери, чтобы итти куда-то, отыскать кого-то и отомстить: я зналъ, чья это кровать...

На порогѣ стояла незнакомка: она была въ бѣломъ, подъ покрываломъ, золотая корона на головѣ, и бѣлый свѣтъ шлейфомъ падалъ у ея ногъ.

— Завтра Рождество, — сказала она.

Я отступилъ, давая дорогу.

— Ты меня не узналъ?

— Въ первый разъ вижу.

— Dame de Noël.

— Dame de Noël. — я подпрыгнул от радости, — и у нас будет елка, серебряный дождь, золотые орехи!

— Ты сам не знаешь, о чем просишь, а так лучше для нея...

— Они заводные? — обрадовался я, подумав о их отвратительных насѣкомых съ черными пятнами на спинѣ, которыя сидѣли на кровати подъ пологомъ.

Dame de Noël уже не было, да и я попалъ куда-то въ подворотню и сажу, какъ старикъ на пчельникѣ.

9. Чуть было не съѣли.

У меня было двѣнадцать подземныхъ каморокъ и двѣнадцать ключей. Ихъ у меня отняли. Я набралъ на дворѣ тряпокъ. Ихъ тоже отняли. Ключи и тряпки унесли въ кладовую. А Власовъ — мой недавній сожитель, безъ котораго я шагу не ступлю, — ушелъ отъ меня.

Я совсѣмъ голый, а все-таки грабятъ меня — отнимаютъ послѣднюю кровь изъ тѣла. Какая-то трясучка накинулась на меня. Со слезами я прошу ее оставить, не корчить такъ больно. Не слушается.

Я былъ нагло ограбленъ и зналъ, что меня не оставятъ живымъ, что меня гонять въ могилу, и ужъ больше не могъ терпѣть: я послалъ Авдотью на Лиговку къ знакомому гробовщику за гробомъ.

Смерть моя приближалась, и съ каждой минутой мнѣ становилось ясно, что черезъ нѣсколько дней тѣло мое съѣдятъ съ хлѣбомъ, а кости въ гробъ положить.

Кое-какъ я сползъ съ лѣстницы и обратился къ швейцару за помощью. Я просилъ швейцара изъ послѣднихъ силъ моихъ и съ пролитіемъ послѣдней крови моей послать къ почтеннымъ лицамъ города извѣщеніе, чтобы пріѣхали завтра же похоронить меня, пока я еще не съѣденъ съ хлѣбомъ.

И когда я такъ просилъ швейцара и кланялся ему въ ноги, со стѣны соскочило объявленіе о снятіи калошъ, и внезапно изъ стѣны, гдѣ висѣло это объявленіе, появился Власовъ. Покручивая свои колючіе пожарные усы, вѣроломный Власовъ подаль мнѣ ключи, тряпки и пшеничной и аржаной муки для заварки густого клейстера.

10. Пожаръ.

Большущій домъ. Сколько этажей — не считалъ: много. А вокругъ дома народъ такъ кишмя кишитъ. Я подбѣгаю къ дому, но зачѣмъ мнѣ этотъ домъ, — самъ не знаю. Я знаю: мнѣ надо во что бы то ни стало пробраться въ домъ. Съ трудомъ проталкиваясь, добрался я до дверей и вошелъ въ комнаты. Комнаты все неизвѣстныя. Изъ одной въ другую перехожу, ищу чего-то и вдругъ вижу: маленькая, какъ клѣтушка объ одномъ окнѣ, да и то въ заборъ выходитъ. Я туда. Остановился среди комнаты. Я узналъ памятную мнѣ, страшную по воспоминаніямъ комнату.

«И обои цѣлехоньки, — обрадовался я, — сѣрыми цвѣтами съ красной жилкой по водянистому полю, а тутъ вотъ мой столъ стоялъ, а тутъ вотъ... и съ тѣхъ поръ все пошло по другому безповоротно».

И хотя, кромѣ меня, никого не было въ комнатѣ, я обратился къ кому-то и все спрашивалъ объ этомъ безповоротномъ: какъ его вернуть и какъ забыть.

— Пожаръ! — донеслось со двора и съ улицы и, скользнувъ по пустымъ комнатамъ, вернулось: — пожаръ!

И я почувствовалъ, что мнѣ тѣсно, холодно и скучно. Кто-то пѣлъ въ комнатахъ. Комнаты не казались пустыми. И вдругъ чѣмъ-то горячимъ обдало меня — и моя комната вспыхнула.

И въ огнѣ мнѣ стало весело.

Я подумалъ:

«Дай проснуться, отыщу я большущій домъ, найду эту тѣсную комнату и подожгу».

11. Татаринъ.

Я взбирался на башню по крутой, необычайно узкой лѣстницѣ. Мнѣ говорили, что стоитъ только достигъ верхней площадки, и оттуда уже прямой ходъ на небо тамъ къ твоимъ услугамъ будетъ облако въ видѣ лодки — каюкъ, — садись въ каюкъ и плыви, куда хочешь.

Ужъ подымался я, подымался, едва ноги плетутся и терпѣнія нѣтъ — весь черепъ сжало, а все-таки какъ-никакъ понатужился и добрался. И что же вы думаете никакого облака — каюка нѣтъ, а стоитъ на площадкѣ татаринъ-старьевщикъ, и руки у него длинныя, до самой земли доходятъ. Я ужъ хотѣлъ было назадъ — въ самомъ дѣлѣ, что жъ это? — а старьевщикъ свои длинныя руки поднялъ да меня хватъ за шиворотъ:

— Паразитъ ты, мерзкій, да не видать тебѣ, какъ ушей своихъ, ни облака, про которое ты изъ книжекъ вычиталъ, ни того, что тамъ за облакомъ, прочисти напередъ глаза свои, видящіе во всемъ одну гадость, а тогда ужъ — милости просимъ.

Я не успѣлъ ни возразить, ни оправдаться, какъ ужъ татаринъ-старьевщикъ сталъ медленно опускать меня на землю. И когда до земли оставалось всего ничего, я отъ внезапнаго толчка заклевалъ носомъ и, ахнувъ, шлепнулся въ теплый пометъ.

12. Двойникъ.

Въ эту ночь я долго ворочался и не могъ заснуть: то зябь, то мнѣ казалось, что какія-то блохи прыгаютъ по мнѣ. И когда, наконецъ, пришелъ сонъ, я очутился въ просторной комнатѣ. Навзничъ я лежалъ на кровати. И странно, лежа такъ на кровати, я вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ себя лежащаго, но какимъ не похожимъ на себя.

И вотъ тотъ непохожій, который былъ мною, поднялся съ кровати и пошелъ черезъ узенькій коридоръ въ другую комнату. Ну, ничуть онъ не походилъ на меня: онъ былъ высокій, остролицый, съ впалыми щеками и хищнымъ орлинымъ носомъ, на немъ надѣтъ былъ короткій шелковый пурпурный плащъ, поношенный и порядочно полинявшій, а въ глазахъ кипѣло столько злобы и такой жгучей и острой, что довольно было одного его взгляда, чтобы прихлопнуть человѣка тутъ же на мѣстѣ, какъ муху. Онъ подошелъ къ кровати, на которой спалъ кто-то, завернувшись съ головой въ одѣяло, и, всхлипнувъ отъ бѣшеной злобы, переполнившей съ краями всю его душу, схватился пальцами за простыню и потянулъ, и тянулъ ее изъ-подъ спящаго, вымещая что-то, срывая сердце на неповинной бѣлой ткани.

Моя дикая душа пьянѣла, я помиралъ отъ злобы.

Но тутъ сонъ меня покинулъ.

Я лежалъ и не смѣлъ пошевелиться. Въ моей комнатѣ, гдѣ, кромѣ книгъ и игрушекъ, ничего не было, кто-то квакалъ. А была ночь.

13. Рысакъ.

Горѣлъ Петербургъ. На пожарныхъ каланчахъ вывѣшено было: сборъ всѣхъ частей, — да ничего не могли подѣлать. Горѣлъ Петербургъ со всѣхъ концовъ.

Я и еще одинъ человѣкъ, нерѣдкій спутникъ моихъ ночныхъ походовъ, покинувъ домъ, пріѣхали въ бараки. Въ баракахъ намъ отвели огромную комнату, и тутъ оказалось, что мы не одни: съ нами неотлучно находился одинъ извѣстный русскій поэтъ.

Мы смотрѣли въ окно: улицы были запружены бѣглецами, и какія-то дамы, нагруженныя чемоданами и желтыми коробками изъ подъ шляпъ, тянулись по тротуару, словно въ крестномъ ходу. Всѣ говорили, что пожаръ страшный, и не кончится. Пахло гарью.

Мы тоже рѣшили уѣхать. Взяли извозчика и втроемъ отправились въ Москву. Въ Москвѣ, не останавливаясь, мы проѣхали прямо на дачу въ Петровскій паркъ. На дачѣ никого не застали. Потомъ явился знакомый, актеръ, и мы стали рассказывать, какой въ Петербургѣ страшный пожаръ, какъ мы сидѣли въ баракахъ, какъ гарью пахнетъ и какъ мы заплатили извозчику семьдесятъ пять копѣекъ.

— Теперь лошадь пропадетъ, — сказалъ поэтъ, — какъ же? Сдѣлать безъ передышки отъ Петербурга до Москвы двадцать девять верстъ и сейчасъ же обратно въ Петербургъ двадцать девять, лошадь не выдержитъ.

14. Мѣдные пятаки.

Я стоялъ на берегу рѣчки съ фотографическимъ аппаратомъ и снималъ двухъ носороговъ. Носороги — на той сторонѣ, и съ ними три балбеса. Балбесы все лѣзли впередъ и застили мнѣ. Бился я немало времени и не могъ снять носороговъ.

Кричу балбесамъ:

— Эй вы, балбесы, на ту сторону переходите!

Послушали балбесы, вошли въ воду. А я скинулъ съ себя сапоги и тоже бухъ въ рѣчку, хочу къ носорогамъ переплыть. Плылъ, плылъ и закрутило. Дна нѣтъ, четыре стѣны желѣзныхъ, а руки у меня крестомъ сложены. И крутитъ и крутитъ. Вотъ изловчился я, пошевелилъ ногами и вынырнулъ. Влѣзъ на чугунный столбъ — на столбѣ парниковая редиска — усѣлся на редиску и просидѣлъ семь дней и ночей, пока не сняли.

И растворились желѣзныя стѣны. Тамъ балъ, музыка, танцы. А омутъ, гдѣ меня крутило — несгораемый шкафъ съ люкомъ и подпольемъ. Полѣзъ я въ подполье за мѣдными пятаками, — ихъ тамъ мѣшокъ на мѣшкѣ. Сталъ я выбирать изъ мѣшковъ пятаки и кидать въ воду, чтобы узнать, глубока ли рѣка. А пятаки не тонутъ, выплываютъ и не пятаками ужъ, а красными коробочками. Сталъ я вылавливать красныя коробочки.

А меня стыдятъ:

— Къ чему тебѣ эти дырявыя коробочки?

И знаю я, что коробочки ни къ чему мнѣ, и все-таки вылавливаю: брошу пятакъ, а выловлю коробочку.

— Я коллекцію собираю, — говорю виновато и отъ злости начинаю плевать на балбесовъ.

Плевалъ я, плевалъ, да всего себя съ ногъ до головы и оплевалъ.

15. Цвѣтокъ.

Я пересаживалъ мой любимый цвѣтокъ. Насилу-то собрался. И такъ я виноватъ передъ нимъ — за дѣлами не досмотришь и траву не выполешь во-время — вотъ кусты какіе! Все дѣла: то одно, то другое, — не поспѣваешь. Въ этомъ-то и жизнь, когда не поспѣваешь! — слышалъ я отъ кого-то. Ну, и Богъ съ нимъ, пускай себѣ не поспѣваетъ на здоровье!

Я вытряхнулъ изъ горшка землю, бережно взялъ цвѣтокъ за стебель и, уткнувшись въ него, замѣтилъ, у корней, гдѣ они узломъ спутаны, маленькій червякъ сидитъ. И только-что протянулъ я руку за червякомъ, какъ мигомъ превратился червякъ въ змѣйку, а змѣйка, не мигнувъ, выросла въ змѣю. Тутъ ужъ отъ страха затряслись у меня поджилки, и я бухъ цвѣтокъ на полъ, хочу бѣжать, а ноги не слушаются, и закричать не могу.

Огромный страшный кольчатый змѣй Аспидъ вывивалъ свою пасть надо мной и, коснувшись горячимъ жаломъ моего холодного носа, вдругъ превратился въ зубастую рыбицу.

— Господи, да это сама Ехинія!

А Ехинія не Аспидъ. Не долго думая, поддала Ехинія пастью — ай! — крышка! Только всего и успѣлъ за карманъ схватиться, бултыхъ въ нутро — поминай, какъ звали!

16. Желѣзный царь.

Наша Софоровна, старуха старая, дѣвушка. А я будто вхожу въ кухню и прошу Софоровну молока купить и шеколаду и вижу, на Софоровниной кровати лежитъ старикъ — старичекъ такой гаденькій въ кудряшкахъ — мужъ Софоровны.

— Не пойду я вамъ за шеколадомъ, — говоритъ мужъ Софоровны, — съ какой стати!

«Ишь, какая гадина, думаю себѣ, никто тебя и не проситъ ходить!»

А Софоровна ужъ топочетъ по лѣстницѣ, несетъ молоко, шеколадъ и... воблу.

Увидалъ я воблу, говорю Софоровнѣ:

— Зачѣмъ воблу-то принесли, отнесите ее обратно.

А старичекъ — мужъ Софоровны посматриваетъ на меня и нехорошо такъ: лицо у него до зелени блѣдное, кожа студенистая, а на кончикѣ носа красное пятнышко.

И входитъ нашъ старый пріятель литераторъ Ф., для котораго и весь этотъ шеколадъ затѣяли.

— Пойдемте — говоритъ Ф., — на площадь къ Совѣту, весь Петербургъ собирается.

Я и пошелъ. И вотъ будто стоимъ мы съ Ф. на площади у памятника. Памятникъ большой и высокій: высокая площадка со ступеньками, вокруг ограда и посреди во весь ростъ желѣзный царь, а по бокамъ царя по три желѣзныхъ часовыхъ. И вдругъ вижу, желѣзная фигура царя зашевелилась, и желѣзные часовые зашевелились, и въ ужасѣ я говорю:

— Шевелится! Шевелится!

А онъ желѣзный ужъ сдвинулся съ мѣста и идетъ. Онъ желѣзный идетъ къ ступенькамъ, а за нимъ гуськомъ желѣзные часовые.

И я услышалъ, какъ съ разныхъ концовъ переполненной народомъ площади заговорили:

— Онъ идетъ!

— Онъ ходитъ передъ несчастьемъ!

— Несчастье надъ Петербургомъ! Желѣзный царь спустился съ лѣстницы и, когда ступилъ онъ на послѣднюю ступеньку, изъ желѣзнаго сталъ человѣкомъ и такой самый, какъ на Крюгеровскомъ портретѣ, высокій, глаза на выкатѣ, только волосы свѣтлые и кудрями завиваются. И часовые изъ желѣзныхъ стали живыми — старыми щетинистыми солдатами.

Царь обратился къ народу;

— Господа, — сказалъ царь, — я хотѣлъ вамъ сказать: сейчасъ въ квартирѣ художника Б. собралось все, что есть талантливаго и культурнаго въ Россіи.

— Талантливаго!! Культурнаго?! — захохоталъ, издѣваясь, мой спутникъ.

— Тише, — говорю ему, — что вы дѣлаете, вѣдь за это васъ...

И въ это время слышу, какъ кто-то изъ толпы называетъ меня по имени. Бросилъ я моего пріятеля, выбрался изъ толпы и вижу старикъ стоитъ — мужъ Софоровны. Онъ еще отвратительнѣе въ сѣрой мягкой рубашкѣ, подпоясанный кожанымъ поясомъ, до зелени блѣдный и студенистый съ краснымъ пятнышкомъ на кончикѣ носа, онъ протягивалъ мнѣ обѣ руки:

— Цѣлуй!

И глядя съ отвращеніемъ на его до зелени блѣдныя руки, я подумалъ: «вотъ за то, что я такой гордый, вотъ онъ, гадкій старикъ хочетъ, чтобы я унизился и поцѣловалъ его гадкую руку съ обручальнымъ кольцомъ!». И стиснувъ зубы, я поцѣловалъ гадкую руку съ обручальнымъ кольцомъ.

А старикъ, словно спохватившись, отдернулъ руки.

17. Красная капуста.

Я стою на берегу рѣки въ толпѣ народа. Кто-то говоритъ, что этотъ народъ соскочилъ съ фресокъ, изображающихъ Страшный судъ въ Сольвычегодскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ, и что рѣка Дунай, Сафатъ и еще какъ-то, я не могъ разобратъ названія, такъ какъ все это говорилось на тарабарскомъ языкѣ.

Мы всѣ чего-то ждемъ и очень волнуемся. Я не могу спокойно стоять и поминутно подбѣгаю то къ одному, то къ другому:

— Скоро ли?

Но вмѣсто отвѣта мнѣ показываютъ пальцами на какую-то темную массу, движущуюся со стороны лѣса.

На самомъ берегу, почти надъ водой, огорожено пространство. Тамъ стоятъ два боченка. На боченки положена доска. Я подошелъ къ загородкѣ и, удобно пригнѣвшись, сталъ вглядываться въ движущуюся темную массу.

И понемногу начали обрисовываться странныя фигуры. Впереди всѣхъ ѣхалъ на волѣ церемонимейстеръ — важный сановникъ съ коричневой бородой въ золотомъ кафтанѣ, въ рукахъ его блестѣло золотое жезло. За церемонимейстеромъ попарно шли дамы въ длинныхъ бѣлыхъ одѣяніяхъ босикомъ. А за каждой парой слѣдовали слуги, несшіе по два складныхъ стула и опахало. Наконецъ, подъ балдахиномъ показался король. Король былъ въ голубой, какъ рѣка, мантии, усѣянной серебряными звѣздами, на рукахъ бѣлыя рыцарскія перчатки, лицо темное негритянское, а носъ въ видѣ серебрянаго серпа.

Мой сосѣдъ, по профессіи фокусникъ, въ рыжемъ пыльномъ парикѣ, фыркнувъ, сказалъ по-русски:

— У этого короля, Наполеона, носъ приставной! — и вдругъ упалъ замертво.

И я увидѣлъ, какъ въ толпѣ еще многіе упали мертвыми, должно быть, наказанные за свое богохульство. Теперь почему-то выяснилось, что это совсѣмъ не простой король.

Шествіе приближалось. Я разглядѣлъ стройнаго бѣлаго царедворца, очень юнаго. Слѣдуя за королемъ, юный царедворецъ отдавалъ приказанія. Потомъ опять потянулись дамы и слуги, а за слугами тряслись мужицкія телѣги, доверху нагруженные красной капустой.

Всѣ глаза были устремлены на короля. Король ступилъ къ берегу въ огороженное пространство. И тутъ я догадался, что лицо его закрыто маской, а тотъ стройный царедворецъ неживой — автоматъ.

Слуги между тѣмъ сложили балдахинъ, разставили стулья. Бѣлыя дамы, подобравъ платья, усѣлись и, болтая босыми ногами, забормотали молитву. Король поклонился рѣкѣ, и, подозвавъ автомата, усѣлся съ автоматомъ на доску, положенную на боченки, но такъ, что середина доски осталась свободна.

Мы всѣ закричали ура и кричали, до тѣхъ поръ, пока церемоніймейстеръ съ коричневой бородой, въ золотомъ кафтанѣ, не сдѣлалъ жезломъ знака. Наступила мертвая тишина.

— Что же ты говоришь, — сказалъ король, обращаясь къ автомату, — будто эта скамья сломается, а видишь, мы сидимъ на ней вдвоемъ, и она цѣла.

Голосъ короля былъ такъ молодъ и силенъ и обаятеленъ, что каждый изъ насъ подпрыгнулъ отъ поднывагося въ каждомъ изъ насъ чувства молодости, силы и обаятельности. Мы готовы были умереть за короля.

Дамы прокричали ура.

— Императоръ, ты сидишь не такъ, сядь посерединѣ! — сказалъ автоматъ королю и, вставъ, отошелъ къ оградѣ, къ тому мѣсту, гдѣ я такъ хорошо примостился.

Не утерпѣвъ, я потрогалъ автомата. Что-то металлически-холодное коснулось моей руки, и я машинально отдернулъ ее, почувствовавъ судорогу, какъ отъ электрическаго тока.

Король поднялся. Король оправилъ мантию. Король опускается на середину скамьи. И едва король коснулся скамьи, какъ доска переломилась, и король полетѣлъ въ рѣку.

Дамы заплакали. Мы закричали ура и бросились качать автомата и, подбрасывая автомата къ небу, подбрасывали вмѣстѣ съ нимъ красную капусту.

18. Свѣтлый и дѣвочка въ лохмотьяхъ.

Я стоялъ посреди сводчатой комнаты и глядѣлъ въ окно, выходящее въ садъ. Я глядѣлъ туда за окно въ зеленый весенней зеленью садъ. И вдругъ кто-то сзади обнялъ меня. Я повернулъ голову и замеръ: такъ необыкновенно было чувство мое. Тотъ, кто обнялъ меня, смотрѣлъ на меня сначала съ упрекомъ, но потомъ кротко и любовно. Лицо его было просвѣтленно, и глаза свѣтились, онъ былъ очень юный, а зналъ онъ несравненно больше меня — мнѣ же представлялось, что я знаю очень много. Онъ не опускалъ своихъ рукъ. И, глядя на него, я думалъ:

«Если бы и всегда его руки лежали на моихъ плечахъ! Если бы онъ всегда былъ со мною!»

И я увидѣлъ въ углу комнаты маленькую дѣвочку въ лохмотьяхъ: она съ плачемъ протягивала мнѣ свои худыя рученки. А его уже не было.

Я нагнулся къ дѣвочкѣ и кликалъ его и жалѣлъ, что онъ ушелъ отъ меня, и зналъ я, что дѣвочка въ лохмотьяхъ не виновата въ этомъ. Вотъ она перестала плакать, она улыbnулась мнѣ.

А за окномъ пошелъ дождикъ — весенній первый дождикъ.

19. Жандармы и покойники.

Передо мной появилась черная морда, шерстяная, съ бѣлыми длинными зубами, помигала мнѣ и скрылась.

Я въ старомъ домѣ въ Москвѣ въ Толмачевскомъ переулкѣ, въ комнатѣ, гдѣ я родился. Маленькая дѣвочка, развернувъ альбомъ, показываетъ мнѣ сушеные цвѣты и о каждомъ цвѣткѣ спрашиваетъ: узналъ я его или нѣтъ? Я не успѣваю отвѣчать, за меня кто-то отвѣчаетъ.

— А вонъ эти цвѣты отъ Буды, ты ихъ узналъ? — спрашиваетъ дѣвочка.

А я ужъ не въ комнатѣ, а въ собачьей конуркѣ и кричу благимъ матомъ. Накричался я досыта и опять попалъ въ комнату. На столѣ собранъ обѣдъ. Я присѣлъ къ столу и задремалъ.

И мнѣ ужъ во снѣ приснилось, будто съ цвѣтами въ рукахъ входятъ въ домъ три жандарма.

Тутъ я проснулся во снѣ и сталъ обѣдать. И не успѣлъ куска проглотить, дверь растворилась и вошли три жандарма.

— Я сейчасъ васъ во снѣ видѣлъ, — говорю я жандармамъ, — а куда же вы цвѣты дѣвали?

— Собака съѣла, — отвѣчаютъ жандармы, по-собачьи облизываясь.

Какой-то въ штатскомъ горбатый, Богъ вѣсть, откуда явившійся, усаживается противъ меня. Онъ мнѣ очень не нравится. Я даже хотѣлъ его ударить, но почему-то раздумалъ.

Горбатый, подвязавъ себѣ салфетку, говоритъ, не сводя съ меня глазъ:

— Вашъ обвинительный пунктъ: вы, переправляясь черезъ рѣку, объясняли естественное происхождение родителей.

Я слушаю и недоумѣваю:

— Я ничего подобнаго не объяснялъ.

— Кто-нибудь подслушалъ: взялъ да и записалъ ваши мысли, тянетъ свое горбатый и катаетъ катушекъ изъ чернаго хлѣба.

— Ничего подобнаго! — отмахиваюсь я обѣими руками и, слыша, какъ наяву старая нянька Ирина мететъ пыль въ сосѣдней комнатѣ и прибираетъ, думаю:

«Что же это такое: сонъ это, или дѣйствительно сидитъ передо мной горбатый и обвиняетъ меня, Богъ знаетъ, въ чемъ?»

— А я съ вами давно хотѣлъ познакомиться, — говоритъ мнѣ извѣстный русскій писатель, умершій совсѣмъ недавно, котораго я нагналъ шедшаго по безлюдной улицѣ съ какимъ-то мальчикомъ.

— Гдѣ же вы теперь живете? — спрашиваю я писателя и низко кланяюсь ему.

— Въ Москвѣ, — отвѣчаетъ писатель, — въ домѣ Грузинской церкви на Воронцовомъ полѣ: церковь на горѣ, а мой домъ подъ горой въ репейникѣ, такое пустое мѣсто есть.

Я хотѣлъ спросить его, пишетъ ли онъ, и о чемъ пишетъ, но его ужъ не стало, да и я очутился въ пустой церкви, посреди которой вповалку лежали прямо на каменныхъ плитахъ покойники.

Я сталъ вглядываться въ лица покойниковъ и скоро замѣтилъ, что одинъ изъ нихъ, хотя уже совсѣмъ такой покойникъ настоящій, а шевелится. И вдругъ покойникъ поднялся и сталъ въ царскихъ вратахъ.

И мы смотрѣли другъ на друга. Онъ былъ голый, ноги дегтемъ измазаны, а по облику вылитый Сомовскій рисунокъ къ книгѣ приключеній Эме Лебефа.

А старая наша нянька Иринья ужъ наяву все мететь полъ и прибираеть. И котенокъ Дымка — любимецъ мой трется у меня на плечѣ и мурлычетъ.

20. Финаль.

Увы! — я издохъ. Окруженный фруктами и цвѣтами, среди яблокъ, абрикосовъ, персиковъ, айвы, лимоновъ, грушъ, апельсиновъ, я валялся бездыханный въ чуланѣ и ждалъ послѣдней моей участи.

Царь той страны, гдѣ случилась со мной эта скверная исторія, славнаго царя Салтана внукъ — царь Авениръ — Индѣй повелѣлъ въ наказаніе тому, у кого чешется языкъ и кто говоритъ глупости, съѣсть меня — издохшую крысу.

И вотъ нашелся балагуръ, котораго схватили на какомъ-то костюмированномъ балѣ, и отправили ко мнѣ въ чуланъ меня съѣсть. И балагуръ, улыбаясь, явился ко мнѣ въ чуланъ и, тронувъ меня кончикомъ своего остроносаго сапога, сказалъ...

Но что онъ сказалъ и чѣмъ все это кончилось, съѣлъ ли онъ меня, или только полакомился фруктами, сколько ни старался, не могу возстановить въ моей куриной памяти и, хоть убейте меня, ничего не помню, въ чемъ и прошу глубоко извинить.

Часть вторая.

1. Гуси да Лебеди.

Провалился желѣзнодорожный мостъ. Нашъ вагонъ упалъ въ рѣку. Какимъ-то чудомъ я уцѣлѣлъ, и ужъ не могу сказать, какъ это случилось, только очнулся я на берегу и совсѣмъ какъ мать родила. Мнѣ стало неловко, задумалъ я изъ цвѣтовъ попону сдѣлать, собираю цвѣты, а по рѣкѣ далеко-далеко, вижу, мелькаетъ лодка. И вотъ плавно и чуть колеблясь стала подо мной земля отходить, и скоро я догадался, что я лечу.

Я летѣлъ надъ рѣкой.

А утро было такое чудесное, такъ бы и летѣлъ вѣкъ вѣчный, а по рѣкѣ плывутъ все гуси да лебеди, гуси да лебеди.

2. Волкъ съѣлъ.

Послали меня въ лѣсъ за орѣхами.

— Ступай, — сказали, — собери намъ орѣховъ побольше.

Вотъ я хожу по лѣсу, высматриваю, да неудобно больно, все спотыкаюсь, и все нѣтъ ни одной орѣшни. Наконецъ, напалъ, да только ни одного зрѣлаго, всѣ зеленые.

«Все равно, понесу я имъ хоть зеленыхъ, если ужъ такая охота пришла»...

Нагибаю вѣтку, хочу сорвать, а изъ-за куста, хватъ, волкъ на меня. Вижу, дѣло плохо, и говорю:

— Ты что жъ, волкъ, неужели меня съѣсть захочешь?!

А онъ будто молчитъ. И опять я къ нему.

— Не ѳшь, — говорю, — сѳрый, я тебѳ пригожусь.
А самъ себѳ думаю: чѳмъ это я ему пригожусь?
И пока я такъ раздумывалъ ... волкъ меня сѳль.

3. Не могу уйти.

Надъ головой высоченное дерево, скрипитъ, вотъ повалится. А я стою подъ деревомъ, стою, будто къ мѳсту прикованный.

Скрипитъ дерево жутко, листья осыпаются, а тамъ не то вѳтеръ, не то ужъ сама по себѳ, какъ передъ паденіемъ, трясется верхушка. А я ни съ мѳста.

Скрипитъ дерево, скрипитъ, подламывается, упадетъ оно, задавить... А я не могу уйти.

4. Двери.

Она сказала мнѳ:

— Эти двери мы взяли съ собою, нельзя было оставить ихъ въ старомъ домѳ. Ты знаешь, какъ онѳ намъ дороги.

Я тихонько пріотворилъ дверь и вошелъ въ мою комнату. И чугуныя, старыя двери, плавно раскрывшіяся на невидимыхъ блокахъ, плавно и плотно затворились за мной. Я схватился за ручку двери, дернулъ изъ всей силы, но дверь не шевельнулась. И я принялся колотить и стучать кулаками и звалъ. И, выбившись изъ силъ, упалъ у порога и слышалъ только какъ колотилось ея сердце за старыми чугуныими дверями.

5. Качели.

Я прошелъ узенькій трясущійся мостикъ отъ скалы къ скалѳ надъ пропастью. А ступить съ мостика прямо на берегъ невозможно: надо или перепрыгнуть, — такъ и сдѳлалъ мой спутникъ, онъ ужъ стоялъ на берегу, протягивая мнѳ руки, — или стать на перекладину, на тоненькую дощечку, прикрѳпленную веревками къ какому-то гвоздю гдѳ-то въ облакахъ, а ужъ съ перекладины шагъ — и берегъ. Такъ я и хотѳль сдѳлать.

Я ступилъ на перекладину, и только успѳлъ схватиться за руки моего спутника, какъ перекладина качнулась, закачалась и — пошла вверхъ и внизъ, выше и выше.

И я взлеталъ на адскихъ качеляхъ, и мой спутникъ леталъ вмѳстѳ со мной.

Мы качались надъ бездною.

Замирало сердце, духъ захватывало.

6. Розанчикъ.

Тихій осенній дождь, пылящій по густому туману. Я не знаю, куда я иду и зачѳмъ, и что меня гонитъ идти? Я долго шелъ и, наконецъ, остановился у городскихъ воротъ. Стражники молча отворили ворота, и я очутился на узкой улицѳ между двумя высокими стѳнами домовъ. Какіе-то мужчины и женщины, на головахъ которыхъ были полныя корзины съ хлѳбомъ, двигались мнѳ навстрѳчу. Поровнявшись съ этимъ страннымъ шествіемъ, я остановилъ одного и сказалъ:

— Дай мнѣ розанчикъ.

И мнѣ подали. А я и не знаю, ѣсть мнѣ розанчикъ или въ карманъ положить и снести домой, и вообще то: куда я иду?

— Звѣрей выпустили! Звѣрей выпустили! — кричалъ какой-то человекъ, пробѣгая мимо меня, а лоскутья красной изодранной рубахи развѣвались у него за плечами, какъ красныя крылья.

И на всѣхъ проходящихъ напалъ такой страхъ, и всѣ, кто былъ поблизости меня, побросали корзины съ хлѣбомъ и пустились бѣжать.

А этотъ отчаянный крикъ... да, теперь ясно, это былъ мой крикъ.

Звѣри, едва замѣтные, быстро вырастая, наступали. Черная и дымчатая шерсть на ихъ спинахъ щетинилась, и ярко-желтыя пятна на брюхѣ, переливаясь жирныя, лоснились. И я стоялъ одинъ, окруженный со всѣхъ сторонъ красными разинутыми пастями. Языки красные ходили въ нихъ, какъ маятники.

— Натѣ вамъ, звѣри, розанчикъ!

И едва я проговорилъ натѣ вамъ, звѣри, розанчикъ, какъ всѣ звѣри до одного, и большіе и малые, сѣрые и черные, одноухи и однозубы, рогатые и кусатые, пригнули лапы и задремали.

7. У голыхъ.

Попалъ я въ кружокъ голыхъ: такъ всѣ безъ всего и ходять.

«Не очень-то ловко этимъ несчастнымъ,» — подумалъ я, глядя на всѣ эти тощія, толстыя, желвастыя, костлявыя, безобразныя фигуры.

— Вотъ было бы неловко, если бы мы вдругъ да одѣлись, — сказалъ мнѣ одинъ голый, видимо, подслушавшій мою мысль.

— А развѣ такъ зазорно въ платьѣ?

— Зазорно не зазорно...

— Какіе вы всѣ уроды — перебилъ я.

— А уроды, такъ и убирайся отсюда, пока цѣль, — осердился на меня другой голый.

— А какой самый большой грѣхъ? — спросилъ я у голаго.

— Огонь погасить считалось большимъ грѣхомъ. Только мы въ этомъ неповинны, голышомъ въ пожарную команду не примутъ.

— Я тоже не хочу въ пожарные, — согласился я и, отойдя въ сторонку, снялъ сапоги.

8. Подъ водою.

Подымалась буря на морѣ, а я сѣлъ въ лодку, потому-то мой спутникъ безстрашный гребецъ. Но когда мы достигли глубочайшаго мѣста, мой гребецъ сложилъ весла и, насмѣшливо глядя мнѣ въ глаза, поднялся и, схвативъ меня за шиворотъ, какъ кошку, бросилъ въ воду. И я пролетѣлъ всѣ подводные слои — зеленый, мутный, черный, густо черный, и опять — мутный, зеленый, и снова очутился въ лодкѣ. И мы плывемъ, какъ ни въ чемъ не бывало, но доходитъ какая-то точка, и мой гребецъ складываетъ весла, и повторяется все сначала. И, кажется, нѣтъ конца, безъ передышки — зеленый, мутный, черный, густо черный.

9. На новую квартиру.

Переѣзжаемъ на новую квартиру: я да мой пріятель — старый чудакъ, который то и дѣлалъ въ жизни, что мѣнялъ квартиры, пока смерть не уложила его въ послѣднюю, откуда трудно уже двигаться. Вещей у насъ много — цѣлый возъ, а лошаденка крохотная, еле тащить, такъ какая-то сивка. Съ грѣхомъ пополамъ мы все таки добрались до дома. И только что въѣхали въ ворота, возъ — на бокъ, а сивка подогнула подъ себя ноги и стала кошкой, кошка мякнула и сію же минуту подъ мостикъ. Пріятель мой за ней, шариль-шариль.

— Поймалъ — кричитъ и тянетъ.

А какъ вытянулъ, смотримъ: вмѣсто кошки мячъ и доска.

— Ну, теперь, значить, въ лапту будемъ играть! — обрадовался чудакъ и, какъ бывало въ дѣтствѣ, пустился по двору скакать да мячъ подшвыривать.

А я перетаскалъ въ домъ всѣ вещи, разставилъ по порядку, затопилъ печку, поставилъ самоваръ, вымылъ руки и сѣлъ на табуретку отдохнуть. Входитъ пріятель, лица на немъ нѣтъ, подсѣлъ ко мнѣ, плачетъ:

— Не могу, — говоритъ — привыкъ я къ нашему старому дому, а мячикъ кошка съѣла.

Всталъ онъ и вышелъ.

Отворилъ я окно, гляжу, а онъ ужъ на пустомъ возу, хлестнулъ сивку и поскакалъ во весь духъ, свиститъ да похлестываетъ.

10. Мои цвѣты.

Я проходилъ по полю среди зацвѣтающей нивы. Пѣлъ жаворонокъ, а со скошеннаго луга доносило свѣжимъ сѣномъ. Мнѣ встрѣтились двѣ женщины, онѣ несли корзину съ полевыми цвѣтами, а въ цвѣтахъ сидѣла дѣвочка.

— Куда идете? — спросилъ я женщинъ.

— Цвѣты идемъ собирать, — отвѣчали женщины съ корзиной.

И я пошелъ за ними. Шли мы молча. И молча дошли до озера.

— Вонъ твои цвѣты! — засмѣялись женщины, показывая на озеро.

И я одинъ стоялъ на берегу озера, а цвѣтовъ на озерѣ никакихъ не было. И съ пустыми руками я повернулъ домой. Зацвѣтая, колыхалась нива, и пѣлъ жаворонокъ. И вдругъ я увидѣлъ въ колосьяхъ ту самую дѣвочку, которую женщины несли въ корзину. Она бросилась ко мнѣ, обняла меня за шею рученками и тихо на ухо сказала:

— Возьми меня съ собой!

Взялъ я дѣвочку на плечи, но и шагу не сдѣлалъ, какъ кругомъ все потемнѣло, задвигались тучи, и только надъ головой воронкой сновалъ зеленоватый свѣтъ.

А съ земли подымались какія-то странныя птицы съ змѣиными хвостами, и все летѣло туда къ этому снующему свѣту. Птицъ было великое множество, онѣ не каркали, а, какъ нѣмыя, мычали и скоро хвостами закрыли свѣтъ. Погасъ свѣтъ, замолкли птицы. И среди ночи я опять услышалъ откуда-то изъ страшной дали голосъ маленькой дѣвочки:

— Возьми меня съ собой!

А я, вѣдь, и самъ не знаю, куда себя-то дѣвать.

11. Лягушки въ перчаткахъ.

Я прятался въ каютѣ парохода, но тѣ, отъ кого я прятался, какимъ-то песимъ нюхомъ отыскивали меня. Всѣ они были съ человѣчьими лицами, а туловище ихъ было лягушиное и на рукахъ у всѣхъ перчатки. Такъ какъ они были очень вѣжливы и любезны, то не убивали меня, какъ простые разбойники, а, будто лаская, давили меня мягкимъ своимъ лягушинымъ брюхомъ и, тихонечко забираясь ко мнѣ подъ рубашку, будто глядя, пальцами надавливали мнѣ на сердце.

На окнѣ сидитъ галка и кричитъ. Я знаю, чего она кричитъ. Она сейчасъ влетитъ въ комнату, сядетъ мнѣ на плечо и станетъ глаза мнѣ клевать...

— Галка, — прошу я мою черную гостью, — побереги мнѣ глаза, я тебѣ жемчужную ленточку на горлышко навяжу, галка, я тебѣ отдамъ мои руки, лѣвую и правую, только оставь мнѣ глаза!

12. Гимнастика.

Скользя руками по карнизу и опустивъ ноги внизъ на воздухъ, я передвигаюсь по нескончаемой деревянной крышѣ какого-то высокаго зданія. Солнечный свѣтъ ударяетъ мнѣ прямо въ глаза. Подъ руками отваливаются гнилушки. Соскальзываютъ руки. И хотѣлось бы упасть что ли, чтобы конецъ! Но я передвигаюсь. Мелькаютъ деревья, рѣки, рѣчки, городъ.

13. Полюсь.

Всѣ говорятъ, что мы ѣдемъ на полюсь.

Мы, дѣйствительно, плывемъ по какой-то рѣченкѣ, и мой спутникъ — шершавый, закутанный въ синюю столовую скатерть, правитъ весломъ. И какъ-то такъ произошло, что мы и пріѣхали на полюсь. Стоитъ на полюсѣ большой каменный домъ, а около дома кучка народа, и всѣ суетятся и о чемъ-то спорятъ.

— Что случилось? — спрашиваю оборваннаго, засаленнаго парня, шелушащаго сѣмечки.

— Да на проходномъ чердакѣ вора ищутъ, всѣ семь дворниковъ весь чердакъ обыскали, а нашли всего-навсего пиджакъ старый, теперь трое сидятъ тамъ, караулятъ.

«Пропадетъ наше бѣлье», — подумалъ я.

— Да пожалуйста въ эмалированныя комнаты! — сказалъ парень и загоготалъ.

14. Не лазай!

Я подползъ подъ строящійся огромный домъ. Домъ строили такъ, что вся постройка, хоть и висѣла на воздухѣ, а не падала только потому, что толстый канатъ, прикрѣпленный къ фундаменту, соединялъ ее съ землей. Я подползъ съ топоромъ въ рукахъ подъ этотъ огромный домъ и, примостившись какъ разъ въ центрѣ у каната, ударилъ по немъ топоромъ и рубилъ его изъ всей силы. И когда казалось мнѣ, что еще ударъ, и домъ рухнетъ... кто-то сверху плюнулъ на меня.

15. Въ церкви.

Я съ моимъ братомъ вошелъ въ церковь. Шла вечерня. Образовъ не было. Производился, должно быть, ремонтъ въ церкви. На пустомъ иконостасѣ сбоку свѣтился золотой кругъ. Передъ этимъ кругомъ стоялъ священникъ въ эпитрахили. Пѣлъ дьячекъ. Никого, кромѣ насъ, не было. И намъ было неловко, что никого, кромѣ насъ, не было.

Вечерня кончилась. Мы подошли къ священнику подь благословеніе. Вышелъ изъ алтаря дьяконъ и говорить брату:

— У васъ все есть, чтобы расти, а у васъ, — онъ обратился ко мнѣ — нѣтъ ничего.

А я подумалъ:

«И вправду, на братѣ — матросская курточка, если бы онъ ее носилъ, она лѣзла бы вверхъ, на мнѣ же — нѣтъ».

И замеръ отъ страха: носъ къ носу стоялъ передо мной человекъ, который, я это почувствовалъ, замышлялъ противъ меня недоброе. Я бросился въ окно. Думаю:

«Зачѣмъ это братъ дружить съ такимъ?»

А въ домъ, въ которомъ я очутился, входитъ мой знакомый — хромой — и подаетъ мнѣ сапожное шило:

«Такъ вотъ онъ чѣмъ собирался пырнуть меня!»

Мы сѣли въ лодку и, свистя соловьями, стали отчаливать. И подвернулся какой-то мальчикъ, прыгнулъ къ намъ, и медленно стала погружаться лодка ко дну.

16. Бухгалтерія.

Я подошелъ къ поѣзду, который стоялъ далеко за городомъ въ полѣ. Я прошелъ всѣ вагоны, остановился у послѣдняго, раздѣлся и хочу купаться. И вдругъ поѣздъ тронулся и, пыхтя, сталъ ускорять ходъ. И я побѣжалъ за нимъ, хотѣлъ нагнать, но онъ спѣшилъ и уходилъ отъ меня все дальше въ глубь поля. А тутъ подошли какіе-то бритые люди и говорятъ:

— На тебѣ билетика, считай!

Билетиковъ была цѣлая кипа, а требовалось, всѣ пересчитавъ, уложить по номерамъ. Сталъ я считать и раскладывать, и когда дошелъ до послѣдняго билетика, явились опять бритые и принесли новую кипу, смѣшали старые билетика, и началъ я сызнава считать и раскладывать. И всякій разъ, какъ я доходилъ до послѣдняго билетика, приходили бритые, несли новые и новые билетика, мѣшали старые, а я считалъ — чортъ бы ихъ побралъ!

17. Шершавое.

Лежу въ пустой комнатѣ и чувствую, что подь моей кроватью привсталъ кто-то, повернулся и затихъ. Я насторожился, слышу: хрустнули лапы. И ужъ шершавое что-то поползло по полу и, должно быть, наткнувшись брюхомъ на мои сапоги, заворочалось, отдохнуло и опять поползло.

Я лежу, не шелохнувшись. Я знаю, что оно близко, что вотъ обойдетъ оно стулъ, намѣтится и вспрыгнетъ на меня.

18. Мышка.

Завелись въ домѣ мыши и бѣгаютъ. Я подкараулилъ одну мышку и поймалъ за хвостъ. А она хватъ! — и укусила меня за палець. А изъ того мѣста, куда она укусила меня, выросли длинные волосы. Я выпустилъ мышъ, упала она на полъ, сидитъ и не уходитъ.

— Надо осторожно, нешто можно такъ? Надо приласкать! — сказалъ кто-то изъ-подъ пола.

И я взялъ тихонько за лапку, погладилъ мышку, и ужъ она на шею ко мнѣ, вытянула мордочку, усиками водить.

19. Макароны.

Мы стояли на краю кратера. Длинный, который отъ меня не отходитъ вотъ ужъ сколько времени и рассказываетъ мнѣ всякія глупости, перепрыгнулъ, не облизнувшись, а я упалъ въ кратерь. И вотъ со страшными усилиями въ чернотѣ кратера я цѣпляюсь руками за какія-то вѣшалки и подымаюсь вверхъ на землю. А Длинный будто кричитъ мнѣ:

— Вылѣзай скорѣй, я тебѣ макароны сварилъ, боюсь простынуть, соленькя.

— Богъ съ тобой и съ макаронами — чернота вѣсть глаза, хоть бы вылѣзти-то!

20. Бѣлый голубь.

Изъ скворешницы вылетѣла стая голубей. Одинъ голубь бѣлый, съ красными глазами покружился со стаей и камнемъ упалъ къ моимъ ногамъ. Я поднялъ его и, высоко подбросивъ вверхъ, крикнулъ:

— Лети, догоняй свою стаю, звона!

А голубиное сердце такъ и ходило подъ бѣлыми перьями. И ужъ снова голубь лежалъ у моихъ ногъ.

Я снова подбросилъ его и крикнулъ ему еще громче, чтобы летѣлъ онъ за стаей и догонялъ ее.

Но бѣлый голубь, взлетѣвъ высоко, куда выше стаи, упалъ ко мнѣ, и голубиное сердце подъ бѣлыми перьями больше не билось.

21. Не кусайся.

Красная, раскаленная, слегка покрытая пепломъ степь. Два красныхъ и сильныхъ борца схватились въ отчаянной схваткѣ. И тотъ который былъ старше и тѣло котораго было смуглѣй, побѣдилъ. Я бросился къ побѣдителю и, схвативъ за руку, укусилъ его и, не вынимая зубовъ и захлебываясь въ темной густой крови, выбивающейся изъ раны, смотрѣлъ въ его глаза, помутнѣвшіе отъ боли, смотрѣлъ долго и зналъ вѣрно: онъ вырветъ руку и прихлопнетъ меня.

А кровь такъ и лилась изъ раны.

22. Битый небитаго везеть.

Весь домъ содрогался отъ грома. На мигъ голубовато-бѣлый свѣтъ открывалъ небо, и снова становилось темно, какъ осеннею ночью. А былъ полдень. И я, какъ слѣпой, бродилъ по угламъ, ища ключъ отъ двери моей комнаты, гдѣ я самъ себя заперъ. И когда я упалъ отъ отчаянiя и думалъ о днѣ, котораго никогда не будетъ, странное разлилось вокругъ, будто радужное облако, которое выплывало въ окно изъ бѣлаго дня.

А знакомый голосъ, гнусавый, сказалъ съ оттяжкой:

— Битый небитаго везеть!

23. Ахъ!

Нечего было дѣлать, я взялъ единственное, что нашелъ во всемъ домѣ, старый тюфякъ, и понесъ его куда-то по широкой дорогѣ, которой конца не видать. И когда еще я подымалъ мою ветхую ношу, мнѣ она показалась необыкновенной. И вотъ я снялъ чехоль и присѣлъ, увидѣвъ на тюфякѣ сплошное гнѣздо: сѣрыя насѣкомыя кишѣли и, поѣдая другъ друга, липкія, тутъ же выводились.

— Ахъ! — кто-то вскрикнулъ за моей спиной!

А я наклоняюсь все ближе къ отвратительной живой гущѣ. А тотъ же голосъ опять.

Разсвѣтало.

24. Сфинксъ.

Ко мнѣ пришелъ К., мой знакомый музыкантъ и сочинитель, уѣзжаетъ онъ надолго, можетъ быть, навсегда, пришелъ проститься.

И я поцѣловалъ его въ макушку. А онъ обертывается ко мнѣ и, притрогиваясь носомъ къ моему носу, говоритъ:

— Надо вотъ такъ, такъ цѣлуются сфинксы.

Я же подумалъ:

«Ты-то, можетъ быть, и сфинксъ, а я всего только птица».

25. Однѣ ноги торчатъ.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я не отхожу отъ больной старухи: у нея толстыя ноги и птичій носъ. Она лежитъ на кровати и охаетъ, а я сижу возлѣ на стулѣ и исполняю всѣ ея прихоти. Я боюсь ее оставить, она очень безпокойная. И показалось мнѣ, что старуха заснула. Слава Богу, старуха заснула! Я тихонько вышелъ изъ комнаты. А потомъ отворяю дверь, смотрю, а изъ печки только старухины ноги торчатъ, толстыя, въ шерстяныхъ сѣрыхъ чулкахъ. Господи, что же это такое! бросился я, чтобы изъ печки старуху вытащить, хватился за ноги, а ноги уже мертвыя.

26. Жена архимандрита.

Попалъ я на литературный вечеръ. Скучища смертная. Предсѣдатель — старецъ въ черныхъ очкахъ, въ черной оправѣ, конечно, спить. А читаютъ все извѣстные литераторы о извѣстныхъ истинахъ, но съ такимъ глубокомысліемъ, будто до этого вечера никто о нихъ и не слыхивалъ. Я лежалъ у эстрады и смотрѣлъ въ ротъ глубокомысленнымъ чтецамъ. Потомъ взялъ извозчика и поѣхалъ по первопуткѣ на санкахъ домой. Но дома мнѣ сказали, что меня ждетъ какая-то дама.

— Кто такая?

— Жена архимандрита.

— Что вамъ надо?

А она — огромная, подъ потолокъ, и вдругъ, какъ заплачетъ да тоненько такъ... а губы у ней соленыя.

27. Въ бродъ.

Долго шли мы по рѣкѣ въ бродъ. Видны были только наши головы. Впереди шелъ мой пріятель, умершій нѣсколько лѣтъ назадъ, вѣчно пьяный съ краснымъ отекившимъ лицомъ. За нимъ — я. Пріятель шелъ лѣниво, опутивъ свою вздохмаченную сѣдую голову, изрѣдка оглядываясь и лукаво подмигивая мнѣ. И мы добрались до какого-то дома и мокрые вошли въ залъ. А въ домѣ балъ, танцы, веселая музыка. И сразу все остановилось, всѣ обратили на насъ глаза. А мы мокрые какъ гуща.

— Танцовать! Танцовать! — вдругъ закричали, и грянула музыка, и звуки такіе были веселые, подмывали кружиться, безъ конца, безъ передышки...

А мнѣ ужъ больше не хотѣлось итти въ бродъ, я сѣлъ въ вагонъ и поѣхалъ. Поѣздъ остановился среди открытаго поля. Я пошелъ въ станціонную будку и сѣлъ у окна.

— Ъдутъ, ъдутъ! — пробормоталъ стрѣлочникъ, проходя мимо.

И тотчасъ прокатила карета. Въ каретѣ сидѣла невѣста въ вѣнчалномъ уборѣ и женихъ во фракѣ — молодые. И только-что молодые скрылись, захохотали огромныя дроги, а на дрогахъ лежалъ громадный трупъ. Лошади неслись во весь духъ, не было кучера, никто не правилъ.

Я выскочилъ изъ будки, пошелъ по полю. Поле пыльное, вѣтеръ пыльный, Господи!

28. Умеръ нашъ отецъ.

Умеръ нашъ отецъ. Насъ четыре брата. И вотъ, будто мы всѣ вчетверомъ подняли гробъ и спускаемся внизъ по лѣстницѣ. И вдругъ крышка у гроба треснула, и большой кусокъ откололся отъ гроба. А мы все несемъ и страшно намъ, потому что не знаемъ, что въ гробѣ осталось, а не знаемъ потому, что не видимъ, а посмотреть не можемъ. И спускаемся съ гробомъ по лѣстницѣ внизъ.

29. Бабье лѣто.

Ясный день бабьяго лѣта. Я вышелъ на террасу и смотрю на облетѣвшій садъ, а по желтой, листьями покрытой дорожкѣ, ведущей къ террасѣ, вижу, старуха идетъ старая-престарая, оборванная, лицо мокрое, такое сморщенное, кажется, совсѣмъ черное. И взяла меня жуть, страшно мнѣ старухи: не проста она идетъ, чувствую, замышляетъ она какую-то пакость. Я отъ террасы — къ двери, да по лѣстницѣ на верхъ, самъ бѣгу, а самъ слышу: старуха тоже бѣжитъ. Я — въ одну комнату, и она за мной, я — въ другую, и она тутъ-какъ тутъ. Я забился въ уголъ за кровать, скорчился весь!

«Господи, думаю, пронеси, хоть бы мимо прошла!»

— Чего ты боишься, — слышу голосъ старухи, — я твоя мать!

— У меня мать совсѣмъ не такая, — говорю ей.

А самъ думаю:

«Неужто моя мать стала такой?»

А старуха наклонилась ко мнѣ, да за шею меня цапъ.

30. Краснокожіе схватили и конецъ.

Подыматься было очень трудно въ этомъ странномъ зданіи, похожемъ на башню, съ пустой середкой. Почти невозможно. Мѣстами ступеньки были обглоданы, такъ что сажени полторы приходилось перешагивать и ползти. Насъ взбирается много, но мы другъ друга не знаемъ, хоть и дѣлаемъ видъ, что до самыхъ корешковъ въ каждомъ каждому ясно. Внизъ смотрѣть нельзя, а кто посмотритъ — были и такіе смѣльчаки, — тотъ — готово дѣло! — прямо головою въ погребъ. Погреба никто не видитъ, только всѣмъ извѣстно, что погребъ существуетъ, холодный и темный. Наконецъ, достигли мы площадки: площадка крѣпкая, желѣзная, на желѣзныхъ брусьяхъ.

На площадкѣ стоитъ не то классная дама, не то монашенка изъ классныхъ дамъ, стоитъ и каждому показываетъ въ окошко міръ. Она такъ и говоритъ:

— Смотрите, дѣти, міръ Божій.

И я вижу, съ площадки солнечный закатъ, огромные дома, гигантскіе колодцы — журавли, пожарныя части и церковь — высокая колокольня. А на крестѣ прицѣпились люди и тоже на міръ смотрятъ, только у нихъ страшнѣе, чѣмъ у насъ, и какъ только они держатся!

На міръ долго смотрѣть не разрѣшается, и классная дама даетъ каждому сало. Мы мажемъ правый бокъ саломъ, женщины подвязываютъ юбки, и такъ спускаемся: на веревкѣ по салу спускаться легко.

— Здѣсь внизу, навѣрное, фрески есть старыя? — обращаюсь я къ моему сосѣду — старикъ въ алюминіевыхъ сапогахъ.

— Старое, очень старое зданіе, Каиново.

Старушка съ мышинными лапками крестится.

— Образа, — говоритъ старушка съ мышинными лапками, показывая единственнымъ человѣчьимъ пальцемъ на стѣну, — всякіе обмоленные и не обмоленные, Сиротка-Спаситель, Четыре Праздника.

Иконъ, дѣйствительно, много, а въ маленькія рѣшетчатые окна, по которымъ приходится скользить туловищемъ, видны схимники.

Мимо погреба проходили очень осторожно, боялись упасть.

— А если итти Богу молиться? — спрашивает старуха съ мышинными лапками.

— Все зависитъ отъ Миракса Мираксовича, — отвѣчаетъ молодой рогатый человѣкъ.

И мы незамѣтно скучиваемся и стараемся, если можно, такъ держаться, чтобы разнять насъ нельзя было, иначе краснокожіе, которые живутъ въ комнатахъ, окружающихъ погребъ, проснутся. Да они уже проснулись. Вотъ они схватили одного мальчика и потащили, а куриныя перья, покрывающія красныя ихъ бедра, такъ и замелькали. Насъ все меньше и меньше, а краснокожихъ цѣлая армія.

— Теперь васъ потащутъ! — говоритъ, какъ бы шутя, больная женщина съ мѣшкомъ для провизіи, на мѣшкѣ левъ нарисованъ.

А мнѣ одного хочется, попасть бы мнѣ въ середку, и я начинаю быстро считать, полагая, что счетъ поможетъ, а ноги уже деревѣютъ... Пропаль, — схватили! *

1900-1909 г.

---

* *Примѣчаніе.* Ко всякому сну одинаковое заключеніе: «Тутъ я и проснулся».